

МОЛОДЕЖНОЕ ГОРОДСКОЕ ФЭНТЕЗИ

Мой сосед- ангел

— ДЖУЛИЯ ХЭНЛИ —

Джулия Хэнли Мой сосед – ангел

<https://litres.ru/74252524>

SelfPub; 2026

Аннотация

Светлая YA история о любви художницы из Бостона и ангела, спустившегося на землю, чтобы научиться понимать людей.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	30
Глава 6	39
Глава 7	48
Глава 8	58
Глава 9	67
Глава 10	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Джулия Хэнли

Мой сосед – ангел

Глава 1

Аврора

*США, путь от Бостона до городка Эвергрин.
Сентябрь 2025 г.*

У любой взрослой жизни есть точка отсчета.

У моей — сто сорок миль асфальта, пыли, придорожных забегаловок и нескольких стаканов кофе, который по идее должен бодрить, а по факту вежливо подталкивает к экзистенциальному кризису.

Бостон со своими идеальными газонами, благотворительными ужинами и вечным маминым: «Аврора, это неприлично» остался позади уже час назад.

Теперь со мной только гул мотора, полосы шоссе и ветер в окно, пропитанный свободой и бензином.

Странный набор, но действует надежнее, чем мамы антидепрессанты.

Я выставляю ладонь в окно, врезаюсь ею в поток воздуха и ухмыляюсь, вспоминая, как месяц назад мои джинсы называли «позором фамилии», а желание рисовать обнаженную натуру — «блажью дурного вкуса».

Еще бы: в нашем доме обнаженной разрешали быть только рождественской курице, и то после официального одобрения мамы.

Ее видение моего будущего выглядит примерно так: закрытая школа искусств, факультет изящной живописи, правильный мольберт, белый фартук и чистые руки.

Мое видение включает другой комплект: обычный колледж подальше от Бостона, настоящую мастерскую, краску под ногтями и полное отсутствие фразы «Аврора, сядь прямо, ты же девушка!».

Конечно, я выбрала свое: нашла колледж в богом забытом месте, собрала вещи и сбежала.

Эвергрин встречает меня спокойствием, кленами и старыми кирпичными домиками, где белки переходят дорогу с видом постоянных жильцов, а не случайной фауны.

Я притормаживаю, опускаю стекло и вдыхаю воздух полной грудью. В легкие входит свобода провинциального разлива, с затхлостью, зато без маминого контроля.

Мое новое логово — крошечная студия над букинистическим магазином «Переплет», адрес, которого звучит анекдотично.

Я паркуюсь у дома из красного кирпича и пару секунд изучаю вывеску: старое дерево, выкрашенное под благородный возраст, золотые буквы, а у входа — горшки с петуниями.

Внутри меня все щелкает замками чемоданов и хлопает вообразжаемыми дверями, настаивая: «Я остаюсь».

Тянусь к ручке, но кто-то опережает меня; щелчок, и из проема выглядывает женщина из открытки шестидесятых, с седым пучком на макушке, в цветастом платье и фартуке.

— Новенькая? — прищуривается она. — Я Дорис, хозяйка «Переплета».

— Аврора Смит.

— О, значит, вы и есть та художница из Бостона? Вас же предупреждали, что владелец квартиры часто исчезает вместе с совестью? Приходится присматривать за всей секцией

ЗВ. Можно просто Дорис. А вас как зовут на самом деле?

— Рори, — киваю. — «Аврору» оставим маме.

— Тогда Рори, — одобрительно заключает она и проводит по мне внимательным взглядом — от взъерошенных волос до кед, задержавшись на драных джинсах и пятне на плече.

На долю секунды она приподнимает брови, а потом, довольная тем, что увидела, передает мне тяжелый ключ с брелком в виде крошечного ангелочка.

Студия маленькая, зато очень светлая.

Эркерное окно выходит на кленовую аллею, стены выкрашены в теплый сливочный оттенок, а пол реагирует на каждый шаг длинным протяжным скрипом. Внутри стоит узкая кровать с новым матрасом, шаткий столик, диван с такой же длинной биографией, что и здание, а еще — старая плита, которая совсем не вписывается в мое представление о современной кухне.

— Великолепно, — бурчу я. — Идеальная лаборатория по выживанию без кулинарных навыков.

Я достаю телефон и набираю Крис — моему персональному эху здравого смысла, которое срабатывает только через

раз.

— Ты с ума сошла, — вместо приветствия выдает она, едва увидев фон видео. — Это что, жилой отсек под лестницей?

— Так выглядит «самостоятельная жизнь», — я поворачиваю телефон, давая обзор студии. — Лофт-формат, атмосферно и честно.

— Атмосферно будет, когда проводка решит устать, — фыркает Крис. — У тебя даже холодильника нормального нет.

— Есть, — обижаюсь я. — Маленький герой труда.

Три шага — и дверца распахивается. Холодильник сияет идеальной пустотой, демонстрируя концепцию нулевого потребления.

Крис закатывает глаза так старательно, что энергия этого жеста проходит через экран.

— О да, — тянет она. — Изобилие бьет ключом.

— Мы называем это «операция Освобождение», помнишь?

— Тогда начни с еды, а не с Климта[1].

Климта я все равно повешу первым.

«Поцелуй»[2] занимает центральную часть стены, и комната сразу перестает выглядеть случайным жильем, превращаясь в место, где у людей есть вкус и план.

К десяти вечера коробки сдаются на милость победителя: одежда переезжает в старый скрипучий шкаф, кисти и крас-

ки занимают подоконник, а мольберт становится у окна и принимает позу законного владельца территории.

Я включаю привезенную из Бостона гирлянду, и студия мгновенно оживает.

Внутри постепенно стихает гул голосов матери и подруги, которые отчаянно вопят, чтобы я вернулась в Бостон. Комнату заполняют мое ровное дыхание, шум машин снизу и тихая мысль: «Отныне все будет по-другому».

— А теперь — в душ. Новая жизнь требует чистой головы. И по факту, и по метафорам.

[1] Австрийский художник, график, декоратор и один из самых ярких представителей венского модерна

[2] Картина австрийского художника Густава Климта, созданная в 1907–1908 годах. Считается ключевым произведением «золотого периода» в творчестве мастера.

Глава 2

Аврора

Горячая вода смывает усталость вместе с голосом, который всю дорогу говорил со мной с фирменной маминой интонацией. Я втираю шампунь в кожу, пока под пальцами не появляется приятное покалывание, и чувствую, как мышцы возвращаются в рабочий режим после многочасового сидения за рулем. Пена сползает по спине, волосы тяжелеют и послушно тянутся к лопаткам.

Я всерьез рассматриваю вариант поселиться здесь навсегда, но в этом случае коммунальные службы объявят меня стихийным бедствием.

Я выхожу из ванной с ощущением героини из рекламы, которая внезапно вспомнила, что сегодня не день съемок, а

бюджет на уход за волосами ограничен.

Шаг, еще несколько, и запах «лесной свежести» перехватывает остатки ванильного аромата.

— Что за? — выдыхаю я, осматривая комнату.

На моей территории уверенно расположился широкоплечий блондин в белой футболке и джинсах. Его тело явно побывало не в одном спортзале, а лампочки в его присутствии ведут себя так, будто хотят осветить каждый мускул и черту его лица.

Я замираю, потому что мотивация ходить сразу исчезает, а ноги принимают решение капитулировать.

Браво, Рори. Мечта об эффектном знакомстве реализована. Мокрые растрепанные волосы, полотенце, паника — полный комплект.

— Черт! — вырывается. — Ты кто?

Подскочив, я прячусь за дверцей шкафа и выглядываю из-за нее с видом сторожа собственной жизни.

— Ты кто такой и как сюда попал? — шиплю. — Если ты взломал дверь, сейчас же...

— Я арендатор, — спокойно отвечает парень.

— Что? — я хватаю с вешалки первую попавшуюся футболку, натягиваю поверх полотенца и мысленно высылаю себе букет за любовь к оверсайзу. — К твоему сведению, квартира занята! Здесь уже живу я!

Для убедительности я лечу к чемодану, выдергиваю оттуда договор аренды и, не желая сокращать дистанцию с незна-

ным гостем, кладу бумаги на пол, подтолкнув их в его сторону ногой.

Лист легко скользит по доскам, будто живой, а парень, подняв его, быстро пробегается глазами по первым строчкам и сообщает мне, что мы оба влипли.

— У меня такой же.

Блондин достает из заднего кармана сложенный пополам лист и показывает мне.

Сюжет выстраивается мгновенно: владелец квартиры устроил частную лотерею, продал один и тот же приз двум участникам и исчез из поля досягаемости.

Перед глазами уже мелькает суд, удовлетворенный иск и новая кофемашина с приличной пенкой.

— Ты звонил риелтору или хозяину? — настороженно спрашиваю я.

— Звонил, — кивает он. — Они не отвечают.

— Прекрасно, — тяну я. — Тогда так: сейчас ты собираешь свои вещи, если они вообще существуют, уходишь, а я вызываю полицию. Завтра законно разрулим. Договорились?

Он чуть наклоняет голову, всматривается в мое лицо.

В лицо же, а не в полотенце?

— Мне некуда идти, — драматически произносит парень. Я скрещиваю руки на груди.

Мои волосы все еще мокрые, ноги голые, а футболка слишком короткая для таких разговоров, но позиция при этом максимально принципиальная.

— Не моя проблема, — отрезаю я.

— Наша общая, — напоминает блондин, повторив мою позу.

— Я не буду ночевать в одной комнате с незнакомым парнем. Даже не надейся.

— Я и не надеюсь, — он даже не морщится. *А стоило бы.*
— Завтра найдем адвоката и решим вопрос. Сегодня, так и быть, я переночую в коридоре.

В коридоре? На голом полу?

Я опускаю взгляд на его голые ступни.

У него даже ботинок нет, будто он появился здесь из пространства, где про кроссовки никто не слышал.

— Ты ненормальный, — выдыхаю я.

— Обычный, — отвечает он, развернувшись к двери.

Я смотрю ему вслед и ощущаю, как вся эта дурацкая ситуация превращается в неудачный дубль сцены, которую нельзя стереть или переиграть.

Это точно происходит или мне что-то подсыпали в кофе?

— Эй! — окликаю его, когда он переступает порог. — Ты хоть обуйся.

— У меня нет обуви, — бросает парень через плечо.

Либо он вложил все деньги в эту квартиру, либо его список вещей «на новую жизнь» начинается с футболки и заканчивается ничем.

Я жду, пока дверь закроется, подлетаю и поворачиваю

ключ. Сердце ускоряется, а мысли носятся по кругу: «Что, если он вернется? Вдруг он врет? Неужели я сегодня попаду в полицейские сводки?».

С той стороны тишина.

Я прижимаюсь ухом к створке, цепляясь за каждый звук.

Ничего.

— Он правда сел в коридоре? — шепчу себе под нос. — На холодный пол?

Считаю до десяти, потом до двадцати и, наконец, приоткрываю дверь.

Коридор пуст, у окна — никого, на лестнице тоже.

Ушел.

— И прекрасно, — бормочу, вернувшись к дивану. — Мои шансы не попасть в новостные передовицыкратно выросли.

Забираюсь в кровать, сворачиваюсь в плотный клубок и натягиваю одеяло до самого носа. В темноте все равно всплывает его лицо — спокойное, слишком красивое и упорно не желающее исчезать из головы.

Отличное начало взрослой жизни, Рори. Идеальный первый акт.

Глава 3

Аврора

Я просыпаюсь с ощущением, что ночью мне в рот засунули дикого зверька. Не пушистого хомяка, а нервное облезлое чудовище, которое презирает понедельники.

Мозг какое-то время перезапускается. Фоновый шум и тяжесть в голове постепенно сменяется утренней панорамой: светлыми стенами, протяжным скрипом половиц и запахом книг.

Я не в Бостоне и не в маминой квартире с идеальными шторами и ковром, который включен в список святых реликвий!

Это Эвергрин!

Моя студия.

Моя.

Я сажусь на кровати и первым делом смотрю на дверь: замок цел, ключ на месте и ни одного босого блондина в кадре.

Вдох.

Выдох.

Похоже, ночной гость не пытался повторно ворваться в мою жизнь и жилплощадь.

Уже достижение.

Хотя...

Если честно, — а эта привычка, к слову, регулярно мешает мне жить — маленький наглый кусочек меня слегка разочарован, что блондин не лежит сейчас на диване, укрытый моей курткой.

Спускаю ноги и тут же морщусь: холод с досок обволакивает ступни.

Это первое тактильное разочарование новой жизни.

В Бостоне полы грели ноги, ковер обнимал их мягким ворсом, а мир клялся заботиться о моем комфорте. Сейчас подо мной — ободранные доски и сквозняк, который явно оформил здесь прописку.

Шевелю пальцами, привыкая к холоду, и мой взгляд скользит к окну.

Интересно, он там не замерз?

Мозг тут же подкидывает сцену: несостоявшийся сосед сидит у стены, обхватив колени, где-то во дворе лает одинокая собака, а на фоне играет трагический саундтрек «Тита-

ника».

— Стоп, Рори. Он взрослый, — с руками, ногами и лицом актера романтической драмы. Сам справится.

Я отдергиваю занавеску, и реальность выводит новую картинку, которую без стыда можно использовать, как постер.

У входа в «Переplet» Дорис до блеска натирает вывеску, солнце бьет ей в глаза, она щурится и отступает, оценивая результат. А на ступеньках у перил стоит он.

Тот самый блондин в той же белой футболке, джинсах и опять босиком.

У его ног вертится рыжий помпон — шпиц Дорис.

Парень гладит его по густой шерсти на загривке, и пес тут же переворачивается пузом вверх, издавая счастливый звук.

Я на секунду позволяю себе мысленно поменяться с ним местами.

— Великолепно, — фыркаю. — Я ревную блондина к какому-то псу. Официально поехала.

От окна отлипнуть удастся только силой воли и мыслью, что сегодня у меня какой-никакой академический старт.

Умывание, щетка, холодная вода — и в зеркале появляет-

ся человек, а не бледное привидение из общежития.

Джинсы сидят в облипку.

Мама говорила, что они «вульгарно подчеркивают» зад.

Она так и не поняла, почему они занимают почетное место в моем гардеробе.

Сверху надеваю свитер, волосы собираю в пучок, правда, конструкция держится на честном слове и паре заколок.

Остается нанести боевую раскраску свободной художницы и можно покорять мир.

Или хотя бы местный колледж.

— Сделаю вид, что забыла о встрече с адвокатом, — бормочу, припудривая нос. — Пусть думает, что я спала всю ночь как младенец, и не мечтала о нем.

Через пятнадцать минут я спускаюсь по лестнице с бумажным стаканчиком растворимого кофе.

Это трофей я получила в забегаловке по дороге сюда, где автомат взбесился и неожиданно выдал мне сразу два.

Вчера это раздражало, сегодня второй стакан объявлен стратегическим резервом.

Думай об учебе, а не о мистере безобувном совершенстве, — повторяю про себя, спускаясь по лестнице.

У входа в «Переплет» меня встречает знакомое трио: Кас, перила и рыжий шпиц.

Теперь этот пушистый предатель сидит у него на руках, распластавшись на спине и изображая модель для рекламного плаката «счастье есть». Кас чешет его за ухом, а я внезап-

но начинаю рассматривать карьеру шпица как запасной план на случай провала с живописью.

На звук моих шагов оба поднимают головы.

Воздух прохладой задевает лицо, внутри все на короткий миг замирает, будто кто-то поставил кадр на паузу.

Я выпрямляю спину, делаю вид, что у меня все под контролем, и в этот момент слышу сухое:

— Привет.

Это все пес! Он сбил его настрой!

— Привет, — отвечаю и тут же обжигаю язык кофе. — Значит, ты все еще здесь?

— Как видишь, — блондин поворачивается ко мне. — Я нашел адвоката. Она ждет нас через час.

Она?

Отлично. Еще не хватало, чтобы у нее была рыжая копна, пухлые губы и любовь к босым блондинам.

— Кого — нас? — уточняю, хотя мы оба знаем ответ.

— Нас, — парень показывает пальцем на себя, потом на меня, задержав жест на долю секунды. *Или мне хочется так думать.* — Двоих счастливчиков с одной и той же студией.

Грудная клетка внутри делает акробатический элемент.

— Ладно, — выдыхаю. — И где это воплощенное счастье в виде адвоката?

— Офис миссис Голдблум на Мэйпл-стрит, двенадцать. Это пять минут прогулки, если срезать через парк.

— Я приду, — киваю и зачем-то добавляю: — Одна.

— Без меня встреча не начнется, — сообщает блондин.

Я гордо разворачиваюсь, но носок ботинка цепляет ступеньку, кофе вырывается из стакана и обжигает пальцы.

— Ай! Что за утро? То пес, то... этот Аполлон без обуви...

— Прости, кто? — переспрашивает парень.

Я это вслух произнесла?

Замолкаю и уставляюсь на него, будто язык сейчас — отдельное существо и у меня к нему претензии.

Сосед подходит ближе и тянется к моей ладони.

— Дай руку.

— Нет! — я отдергиваю руку. — Все нормально. Даже полезно. Хоть кто-то в колледже разглядит меня в толпе.

— Как скажешь, — он чуть склоняет голову. — Я Кассиан, кстати.

— Рори, — автоматически отвечаю я. — Официально Аврора, но этим именем мама пользуется для карательных операций.

— Кас. Просто Кас.

И ни одной шутки про «Спящую красавицу»?

— Купи ботинки, — не выдерживаю я. — Тут осень начинается.

— Я подумаю.

В его исполнении эта фраза звучит как протокол важного решения.

— И переоденься, — продолжаю, сама удивляясь соб-

ственной наглости. — У тебя вообще есть другая одежда?

— В рюкзаке.

Жизнь в формате ручной клади?

Совсем не сочетается с его модельной внешностью.

— Ты странный, — резюмирую, не сдержав смехок. — Ладно, сосед. Встретимся у адвоката. Кстати, где ты так быстро достал ее контакты?

Да, я не затягиваю разговор...

Наверное.

— Вчера я нашел кота миссис Голдблум, и она решила мне помочь.

Не спрашивай подробностей, Рори. Просто не лезь.

— В общем, обуйся, — добавляю я. — А то она решит, что я держу тебя в подвале.

— Я подумаю, — повторяет блондин.

— Ты уже говорил.

— Значит, подумаю дважды, — отвечает Кас и исчезает в дверях магазина.

Чуть позже я осознаю, что все это время смотрела ему вслед, и бегу к машине.

Пора на первое занятие.

Глава 4

Аврора

«Колледж искусств» занимает старое кирпичное здание с потемневшей лепниной и гаргулей над входом. На шее у каменного чудища висит шарф в полоску.

Этот факт объясняет сразу две вещи: уровень местной скуки и чувство юмора.

Я паркую свой старенький Форд, беру сумку и отправляюсь на поиски аудитории с надписью «Основы композиции».

Указатели здесь явно делал человек, который не испытывает нежности к студентам.

Я трижды обхожу этаж, дважды оказываюсь не там, один из которых — в туалете, и только потом упираюсь в нужную дверь.

Открываю.

Пятнадцать пар глаз одновременно поворачиваются ко мне. Среди них — преподаватель, лысый мужчина в жилете с узором, напоминающим бабушкин гобелен, и ровные ряды одноклассников.

Все уже на месте и внутренне готовы записать меня в главные нарушители порядка.

— Простите за опоздание, профессор. Я заблудилась.

Девчонка на первом ряду явно готовит в мою честь костер.

— Вы, полагаю, Аврора Смит? — уточняет мужчина, поправляя очки.

— Да, — киваю. — В полном комплекте, хотя дорога была против.

— Меня зовут Лиам Норвус, — представляется он. — Проходите. Мы как раз начали обсуждение «теории пятна».

— Прекрасно, — улыбаюсь. — Этой практикой я занимаюсь с детства, теперь, наконец, очередь за теорией.

Он смеется, а вот аудитория — нет.

Похоже, чувство юмора у этих ребят еще не прошло регистрацию.

Я устраиваюсь за свободным столом в среднем ряду, вытаскиваю блокнот, ручку и для приличия кладу телефон экраном вниз.

Следующие десять минут Норвус увлеченно рассказывает, как случайная клякса становится началом большого произведения. Я пытаюсь вникнуть, но перед глазами вместо

абстрактного пятна встает очень конкретный силуэт: босой блондин, который вчера спокойно произнес: «Мне некуда идти».

Интересно, он вообще завтракал?

— Мисс Смит, — голос Норвуса вытаскивает меня из размышлений. — Что вы видите в этом пятне?

Он ставит кляксу на листе и поднимает его, показывая классу.

Я всматриваюсь: нечеткий контур, расплзающиеся края, темное ядро в середине. Мозг по привычке ищет знакомые силуэты: зверь, человек, город. В итоге в голове всплывает не форма, а ощущение.

— Диалог, — вылетает у меня. — Чей-то немой крик и взгляд, который не сразу понимает, на что смотрит.

В аудитории становится слишком тихо для места, предназначенного для творческого поиска.

Профессор медленно моргает, еще раз осмотрев пятно для верности.

— Любопытно, — произносит он. — Очень.

Мне тоже...

Я украдкой бросаю взгляд на экран телефона.

До встречи с адвокатом осталось чуть больше получаса. Если я досижу до конца лекции, — точно опоздаю. Голдблюм решит, что я несерьезная, и квартира достанется ему.

После ночи с блондином в коридоре — или где он там был — я не переживу еще и выселение.

Поднимаю руку.

— Профессор Норвус, можно уйти чуть раньше? — спрашиваю максимально приличным голосом. — У меня встреча с адвокатом. Квартирный вопрос.

Я уже готовлюсь выслушать лекцию о дисциплине, но вместо этого он усмехается.

— Квартирный вопрос для художника важен не меньше, чем композиция. Идите и помните: любое пятно способно стать шедевром. Даже в документах.

— Постараюсь, — отвечаю, сгребая вещи и выскальзываю из аудитории.

Путь до парка занимает минут десять: я еду по улицам Эвергрина, а в голове теснится короткий список из трех слов: *Кас, адвокат, квартира*.

Припарковав машину, я вылетаю из салона и бегу по аллее. И тут день решает подбросить мне еще один странный эпизод.

Возле фонтана на каменном бортике толпятся утки — вполне мирные и без намека на войны за булку. А рядом с ними стоит Кас и что-то нашептывает им.

— Ты серьезно? — вырывается из меня.

Он поворачивает голову.

Утки синхронно делают то же самое.

— Нам пора к миссис Голдблум, — заявляю я. — Оставь их, они не возьмут тебя в приемную семью. Максимум — устроят сюрприз в обуви.

Мой взгляд падает на стоптанные кеды, которые надел блондин.

Слава всем светлым силам, обулся.

— Они спорили из-за корки, — с серьезным видом объясняет Кас. — Я предложил вариант, который устроит всех.

Подхожу ближе.

— И что это за вариант?

— Есть по очереди.

Может, у меня галлюцинации, но одна утка, как по команде, действительно присаживается рядом с коркой, а остальные расходятся по окружности фонтана и терпеливо ждут.

— Ты дипломат мира фауны. Следующий шаг — переговоры с голубями при ООН?

— Я просто умею слушать.

— Людей тоже слушаешь? — уточняю, краем глаза оценивая кеды и... самую малость его самого.

— Люди сложнее, — парень чуть наклоняет голову. — Но я тренируюсь.

— Отлично. Практикующий слушатель, друг уток и любимец шпица... Пошли к адвокату, пока она не решила, что

мы передумали.

Кас без сопротивления отрывается от пернатых клиентов, и мы выходим из парка.

Где-то на полдороги рождается безумная идея: узнать о нем еще что-то.

Чисто в целях безопасности, конечно. Мы же, возможно, будем жить на одной территории.

— Откуда ты приехал? — спрашиваю, глядя на опавшие листья под ногами.

— Я не приезжал.

Закатываю глаза.

— Хорошо: пришел, приполз, прилетел?

— Я просто появился.

Мозг делает пометку: «это странно». Даже по меркам человека, который договаривается с утками.

— А я из Бостона.

— Знаю, — кивает парень.

— Откуда?

— Дорис сказала.

Выдыхаю.

Еще пара таких ответов, и я начну проверять стены на предмет скрытых камер и прослушки.

Кас начинает смеяться.

Еще утром на его лице висела маска «я видел вечность изнутри», а теперь ему весело?

— Что?

— Ты забавная, — отвечает он. — Вместо того чтобы спросить прямо, ты пытаешься все угадать по полуслову и постоянно ждешь подвоха. Такое у людей встречается часто.

— Ничего я не жду, — вру по инерции. — Просто твои ответы... мягко говоря, нестандартные.

— Ответы не бывают странными. Зато бывают честные и не очень.

Он останавливается.

Я тоже.

— А полуправда? Когда говоришь одно, а внутри что-то другое?

— Полуправды тоже нет, — блондин качает головой. — Правда все равно вылезает. Ее выдает тело.

Он говорит это так спокойно, что рука сама тянется проверить, как там мое собственное тело.

Моя ладонь поднимается и замирает на уровне его груди, и в этот момент мир делает трюк.

Под ногами возникает странное ощущение, будто земля уходит из-под ног. Всего на секунду я становлюсь легкой и подлетаю, а затем плавно возвращаюсь на место.

— Что это было? — спрашиваю, вновь почувствовав твердую поверхность.

Вокруг все то же: дома, тротуар, редкие машины вдали. Никаких вспышек, порталов и спецэффектов.

Только я, он и обычная улица Эвергрин.

— Как ты это сделал?

— Что именно?

Нервный смешок вырывается сам.

— Я подлетела, а потом опустилась...

— Не понимаю, о чем ты? — сопротивляется блондин.

Нет! Я не сошла с ума! Это точно было!

— Кто ты такой? — озадаченно смотрю ему в глаза. *Почему они такие красивые?* — Фокусник? Это розыгрыш, да?

— Нет. Мы просто идем к адвокату, как и договаривались.

Мне хочется задать еще с десятков вопросов подряд, но впереди уже виднеется табличка «Голдблум и партнеры».

— Так, — шепчу себе. — Сначала решить вопрос с квартирой. Потом — с соседом.

Я делаю вид, что разглядываю кирпичную кладку домов на Мэйпл-стрит, хотя кожей ощущаю каждое движение Каса, и почти сразу понимаю, что не готова к ответам.

Что бы он ни сказал, я все равно отнесу это к категории научной фантастики или... психическому отклонению.

Сначала адвокат, Рори.

И только в этом порядке.

Глава 5

Аврора

До офиса мы идем молча, но внутри толпятся вопросы, и я не успеваю ни за одним.

Что это было в сквере? Почему меня на секунду оторвало от земли? Он правда ничего не заметил?

Если продолжу в том же темпе, мне понадобится не адвокат, а терапевт с блокнотом и рецептом на успокоительное.

Офис миссис Голдблум оказывается аккуратным домом с резной вывеской. У калитки цветут бархатцы и упрямо тянутся к солнцу, игнорируя осень и мировые проблемы.

В дверях появляется пожилая женщина в строгом костюме.

— Кассиан, дорогой. Я уж думала, ты не придешь.

— Это Аврора, — говорит он.

— Рори, — автоматически поправляю я.

— Я знаю, — подмигивает миссис Голдблум. — Дорис уже все рассказала. И про художницу, и про жулика Маркуса Дейна.

Хозяйка отступает в сторону, открывая нам проход.

— Прошу. Сейчас мы с этим Дейном разберемся. Я бы назвала его редким жуком, но жуки хотя бы приносят пользу.

Эта женщина мне определенно нравится.

Ее кабинет напоминает гибрид юридической конторы и гостиной: вдоль стен расставлены стеллажи с папками, в углу стоит тяжелый стол, рядом — мягкие кресла, а на подоконнике расположился огромный фикус в керамическом горшке.

Правда, он не в лучшей форме: его листья поникли, один свернулся трубочкой, а другой держится из чистого упрямства.

— Не обращайтесь на Руфуса внимания, — вздыхает миссис Голдблум, проследив мой взгляд. — Он вторую неделю в кризисе. Я поливаю его, разговариваю, ставлю музыку — никакой реакции. Похоже, ему тоже надоел Маркус Дейн.

Фикус по имени Руфус гармонично вписывается в картину города, где даже мусорный бак наверняка имеет имя и характер.

— Можно? — спрашивает Кас, кивнув в сторону расте-

ния.

— Пожалуйста, — отвечаю я. — У тебя уже целый список подопечных. Еще один его только украсит.

Миссис Голдблум смотрит на него с подозрительным спокойствием, будто видит такое не впервые.

Кас подходит к фикусу, осторожно касается края пожелтевшего листа и что-то шепчет ему, а через минуту, как ни в чем не бывало, садится в кресло, словно просто поправил горшок.

Глаза сами тянутся к растению.

Не может быть!

Свернутый лист медленно раскрывается, а остальные зеленеют прямо на глазах!

— У вас легкая рука, молодой человек, — довольно замечает миссис Голдблум. — Руфи не всем так отвечает.

— Угу, — бурчу я. — Осталось проверить, работаешь ли ты с кактусами. Мой явно в обиде и планирует мстить.

— Кактусы по-другому устроены, — серьезно отвечает Кас. — Они не любят прикосновений. Им нужна тишина.

— Значит, ты еще и консультант по кактусам, — подвожу итог. — Полный пакет услуг.

— Скорее, переводчик, — дополняет блондин.

От этого определения внутри неожиданно становится чуть теплее.

Миссис Голдблум достает из ящика папку и разворачивает ее на столе. На обложке крупно напечатано: «Дело ан-

гела».

Я замираю и перечитываю: *Дело ангела?*

— Это... фамилия? Ангел?

— В моих записях — да, — отвечает адвокат. — В официальных документах длиннее, с ошибкой и без намека на образ. Так честнее.

Внутренний голос поднимает табличку: *«Я предупрежда-ла»*.

— Итак, — продолжает миссис Голдблум уже рабочим тоном. — У нас классический случай. Маркус Дейн сдал одну и ту же студию двум людям, взял деньги с каждого и исчез. Таких историй много, но это не делает их менее раздражающими. К счастью для меня и к несчастью для него.

Хозяйка вытаскивает несколько листов.

— Я подготовила проект временного соглашения. Пока мы ищем Дейна и возвращаем деньги, вы делите студию. Здесь ваши доли по площади, а здесь — оплата счетов, ну и — порядок пользования общими зонами.

Как только слышу фразу про «общие зоны», выстреливаю первым, что приходит в голову:

— Плита моя.

Кас удивленно поворачивается.

— Ты готовишь?

Вопрос попадает туда, куда не надо.

Я уже открываю рот для принципиального возмущения, потом вспоминаю вчерашнее желание провести жизнь в ду-

ше и осекаюсь.

— Учусь, — сообщаю деловым тоном. — Активно и с энтузиазмом.

— Тогда беру на себя посуду, — предлагает блондин. — И уборку. И все, что связано с водой.

— Потому что вода тебе подчиняется?

Кас чуть улыбается.

— Хочешь, чтобы готовил я?

— Разберемся, — решаю вслух. — Мне — все, что связано с едой и творческим беспорядком, тебе — все, что нужно мыть, вытирать и спасать, включая Руфуса.

— Согласен.

— Пункт о гостях, — продолжает миссис Голдблюм. — Любые гости — только по обоюдному согласию. Без предварительной договоренности — никаких ночевок и вечеринок. Танцы над книжным магазином — риск для бизнеса.

— У меня не будет гостей, — быстро говорит Кас. — Только если ты сама захочешь, Рори.

Я снова ловлю себя на том, что просто люблюсь им и молчу.

В последний раз я так долго рассматривала «Черный квадрат», пока пыталась понять, за что именно его хвалят.

Сейчас задача посложнее.

Дальше мы разбираем кто где спит, кто какую долю платит, как мы делим шкаф и что вешаем на стены.

Наконец, поставив подписи, мы забираем договор.

— Отлично, — резюмирует юрист. — Теперь Маркус Дейн пожалеет, что решил сыграть с вами в прятки. А вы — постарайтесь не поубивать друг друга. Это сэкономит время и мне, и вам.

Мы выходим на крыльцо.

Солнце уже сползло за кроны кленов, и в воздухе тут же затанцевали мошки.

Кас останавливается на верхней ступеньке, подняв голову. Его лицо сразу же меняется — в нем появляется тоска, от которой по спине пробегает холодок.

— Как ты делаешь все это? — спрашиваю я. — С утками и фикусом?

— Я ничего особенного не делаю, — отвечает он. — Просто убеждаю их, и они откликаются.

— Фонд «Ангел без обуви», — бурчу я. — Удобно. Спускаюсь на одну ступень.

— И сколько времени ты так живешь? Гуляешь по городам, разговариваешь с утками и возвращаешь силы растениям?

— Лет сто.

Я спотыкаюсь, хотя стою на совершенно гладкой поверхности.

— Люди столько не живут. Даже те, кто питается правильно.

— Если точнее, — добавляет блондин, — сто два.

В голове что-то хрустит и пытается пересчитать календарь.

— Кас, — говорю уже без иронии. — По документам мы теперь живем под одной крышей. Я бы предпочла не обнаружить через неделю, что мой сосед — маньяк, демон или еще что-то из этого списка.

— Я не маньяк, — отвечает он серьезно. — Не демон и не дух.

— Тогда кто? — спрашиваю прямо.

— Ты уже знаешь.

— Нет, — упрямо отвечаю. — Не знаю.

— Знаешь.

Я разворачиваюсь и иду к калитке, считая собственные шаги.

Пять.

Семь.

Десять.

Затем я делаю следующий и поднимаю голову — Кас уже впереди меня, а дорогу между нами словно кто-то стер.

— Черт, — вырывается. — Или... Господи?

— Ты уже определись со стороной, — спокойно советует блондин.

В голове вспыхивает безумная мысль.

Сразу за ней — вторая, еще хуже.

— Есть идея, — выдыхаю я. — Просто грандиозная...

— И?

— Я поеду домой, — начинаю загибать пальцы. — Разберу коробки, выпью кофе, проверю, насколько у меня еще работает здравый смысл. А ты немного побудешь здесь. Подышишь воздухом. Погладишь еще кого-нибудь. Заключишь мир с вороной. Что угодно.

— Хорошо, если ты так хочешь.

— Прекрасно, — цежу и почти бегу к машине. — Отличный план. Все счастливы.

Я добегаю до Форда так быстро, как только могу. Захлопываю дверь, завожу двигатель и уставляюсь на лобовое стекло.

— Кас не ангел, — уговариваю себя вслух. — Просто очень странный парень. С очень странной биографией. Откуда бы он ни взялся.

Машина трогается, улица тянется вперед, город обнимает меня небольшими домами и кленовыми аллеями. А в груди шевелится чувство, от которого одновременно тянет смеяться и плакать.

Если это сон, просыпаться не хочется. Если нет — моя новая жизнь в Эвергрине только что получила дополнитель-

ный сезон, о котором я не просила.

Глава 6

Аврора

Я захлопываю дверь и еще пару секунд не отпускаю ручку, держась за нее, как за единственное, что точно не сдвинется.

Студия на месте: кровать, диван, мольберт, Климт — и никаких босоногих ангелов, адвокатов или уток с запросами к мирозданию.

Только я и комната, которая вдруг кажется подозрительно маленькой.

С сегодняшнего дня нас здесь двое.

Мозг сразу выводит список угроз: Кас увидит белье, блокнот и меня до кофе.

Последний пункт особенно тревожный.

— Так, — говорю вслух. — Начнем с самого уязвимого.

Белье с кресла отправляется в чемодан, чемодан — под кровать. Блокнот с самыми стыдными страницами я запикиваю в рюкзак. Рюкзак уезжает в шкаф, шкаф захлопывается с тем звуком, будто я прижимаю дверцей все свои слабые места. Скетчи с обнаженкой сваливаю в коробку «старье» и тоже задвигаю под кровать.

Если он туда полезет — это уже его проблема и дело личной кармы.

Через пару минут студия выглядит вполне прилично.

Если не интересоваться, что у меня под кроватью и в шкафу, конечно.

Вдруг в дверь стучат.

Я вздрагиваю.

— Кто там?

— Кас, — отвечает сосед.

— Секунду.

Я приглаживаю свитер, заставляю лицо принять выражение «я не в истерике, а просто так дышу», и поворачиваю ключ.

Сосед стоит в дверях в том же наборе, что и час назад: футболка, джинсы, кеды и рюкзак на плече.

— Можно войти?

— Уже можно, — выдыхаю я. — Добро пожаловать в королевство хаоса, слегка причесанного для гостей.

Блондин переступает порог и медленно обводит взглядом студию.

Не как мама с чек-листом «кошмар, ужас, вырезать и выбросить», а спокойно, фиксируя факты: кровать, окно, мольберт, девушка, которая делает вид, что все под контролем.

— Стало тише, — замечает сосед. — И вещей меньше.

По его губам ползет улыбка в стиле «ангельский минимализм».

— Нам нужно договориться, иначе через неделю нас найдет Дорис, запутавшихся в гирлянде.

— Давай.

Я хватаю лист, ручку и набрасываю прямоугольник.

— Это наша студия. Здесь кровать, и она — моя.

— Об этом мы вроде бы договорились.

— Слушай дальше. Диван — твой. Но если меня накроет приступ драмы, страданий или просто лени, я могу его частично занимать. В такие моменты ты... уменьшаешься.

— Я могу сесть в угол, — кивает он. — Мне не нужно много места.

— Шкаф, — показываю. — Левая половина моя, правая твоя. Но если у тебя все будет висеть идеально, а у меня напоминать стихийное бедствие, я могу испытывать легкую агрессию.

В сто два года нужно понимать, что иногда человеку нужна не организация, а ощущение легкой неидеальности бытия.

— У меня нет вещей.

Отлично.

Его взгляд смещается к мольберту.

— К нему можно подходить?

— Смотреть — да. Трогать — нет. Там акрил, масло и мои нервы.

Блондин кивает, а я ловлю себя на том, что разглядываю его не меньше, чем он обстановку.

Мы переходим к самому важному уголку.

— Кухня, — торжественно объявляю. — Я, в теории, готовлю. Ты моешь посуду. Это закреплено судьбой.

— Я помню.

На секунду представляю, как тарелки сами прыгают в его руки, подобно шпичу, и хихикаю.

— Ты вообще ешь? — интересуюсь, открыв холодильник.

— Нет.

Резко оборачиваюсь.

— Никогда?

— Мне не нужно.

Конечно, врет. Нужно добавить пункт: «пересчитывай продукты перед сном».

— Значит, весь кулинарный позор из двух яиц и куса сыра увижу только я. Уже плюс.

Я сажусь на край кровати, Кас остается у стены и скрещивает руки, но не выглядит закрытым — скорее, устойчивым, как клен под окнами «Переплета».

— Теперь личное.

Парень чуть склоняет голову.

— Если я в ванной, не стучи, ничего не спрашивай и не спасай меня. Если что-то случится, я сообщу отдельно и очень громко.

— Понял.

— Мои тетради и блокноты не читаешь, даже если они лежат открытые и шепчут: «загляни, тут драма».

— Я не читаю чужое. Мне хватает того, что я слышу.

Щурюсь.

— В смысле?

— Интонации. Я улавливаю их, даже, если ты молчишь.

То есть он все равно поймет, что я вру?

— Тогда добавим правило. Если я говорю: «Хочу побыть одна», — это не загадка и не проверка. Это буквально просьба оставить меня в покое.

— А мне можно так же?

— Ты тоже иногда хочешь побыть один?

— Когда слишком много звуков и ощущений, — отвечает он после паузы. — Такое бывает.

— Если попросишь, я уйду. Буду тихо страдать в коридоре.

— Страдать не нужно. Достаточно просто уйти.

С этим... соседом невозможно разогнать драму до привычной температуры. Он оставляет только скелет событий без моих украшательств.

Мы замолкаем, но внутри тем временем крутится один и

тот же вопрос, который я таскаю за собой с его фразы «я просто появился».

Хватит делать вид, что меня все устраивает.

— Кас, давай без оборотов. Нормальными словами. Мы теперь соседи. У нас общий договор, шкаф и моя посуда в твоей раковине. Осталась одна мелочь.

Блондин ждет продолжения.

— Кто ты на самом деле? Не «арендатор», не «человек, который ладит с утками» и не «тот, кто нашел кота». И что ты делаешь именно здесь, в Эвергрине? В этой комнате?

Он не уходит в шутку и даже не отводит глаза, а замирает, будто подбирает слово.

— Тебе нужно... название?

— Мне нужно не сойти с ума от догадок. Так что да. Название.

Парень выпрямляется.

— Я ангел.

Боже!

С того брелока на ключе, с воздуха, который изменился перед его появлением, с несчастных уток и фикуса я и так жила с этой версией.

Но одно дело — носить ее в голове, другое — слышать вслух.

Я нервно усмехаюсь.

— Если бы ты выглядел как обычный парень после вечеринки, я бы просто решила, что ты не в ресурсе. Но в твоём

исполнении это признание звучит... убедительно.

Он моргает чуть чаще обычного.

— Ты не веришь, — констатирует Кас.

— Верю. По крайней мере, я не могу придумать объяснение лучше. Значит, примем версию «ангел». Тогда следующий вопрос: зачем ты здесь? Твой небесный отдел решил, что вершина мечты — маленький Эвергрин и студия над книжным?

— Я не выбирал, — отвечает сосед. — Меня сюда отправили.

— Кто?

Он поднимает взгляд к потолку.

— Те, кто выше.

Где-то там, похоже, есть распределительный центр без чувства такта.

— И какая у них формулировка? «Срочно спуститься и довести до истерики одну художницу»?

Кас все-таки слегка улыбается.

— Научиться понимать людей, чтобы по-настоящему помогать им. А для этого нужно прожить рядом с ними хотя бы какое-то время.

— То есть до этого ты помогал неправильно?

— До этого я понимал только животных и растения. Им не нужны слова. А людям нужны.

В голове по очереди всплывают утки, кот, фикус и я, которая разговаривает вместо того, чтобы молчать.

— И ты начал с меня?

— Я не начинал. Я просто оказался рядом с тобой.

То есть никакой великой логики. Обычное для вселенной «так вышло»?

— И как успехи в изучении людей?

— С тобой сложно, — произносит блондин после короткой паузы. — Но интересно.

Грудь предательски сжимается.

— Взаимно.

Я подхожу к окну и облакачиваюсь о подоконник.

Внизу мягко светится вывеска «Переплета», шуршат кле-
ны, а мимо идут люди, которые и понятия не имеют о суще-
ствовании ангелов.

— Ладно, — говорю, не поворачиваясь. — Я согласна счита-
ть тебя ангелом на стажировке. Ты учишься понимать лю-
дей на моем примере. Я учусь не падать в обморок от каж-
дого твоего «это просто жизнь».

— Подходит, — откликается он.

— Только без исчезновений и внезапных появлений по-
среди комнаты... А еще без чтения мыслей! Это важно!

— Я их не читаю, — Кас опускается на диван. — Они и
так слишком громкие.

— Тогда хотя бы делай вид, что не слышишь. Ради моего
оставшегося самообладания.

Он не обещает, но внутри щелкает ощущение, что поста-
рается.

Ангел проходит практику на людях. Я — практику на ангеле. Станный, но рабочий обмен опытом.

— Добро пожаловать домой, — говорю я тихо.

— Спасибо, — отвечает Кас.

И от этого «спасибо» в студии становится заметно уютнее и чуть спокойнее.

Глава 7

Аврора

Я просыпаюсь не от будильника и не от грохота соседской двери, а от очень конкретного ощущения, что в комнате появился еще кто-то.

Тело реагирует быстрее мозга: я мгновенно ныряю под одеяло с головой. Там душно, ткань липнет к лицу, но мир снаружи хотя бы на секунду перестает существовать.

Почти как в Бостоне, где плед был единственным способом договориться с реальностью.

Через пару секунд становится жарко, и мой героизм сдается. Я выглядываю сперва одним глазом, потом открываю второй... и сразу жалею об этом.

Эркер залит бледным утренним светом. За стеклом вид-

неются клены, а на подоконнике, в этом молочном свечении, сидит Кас.

Как с иллюстрации: одна нога подтянута, другая спокойно свисает. Спина ровная, руки сцеплены на колене. Луч застрял в его волнистых волосах и сделал их почти белыми.

Потрясающе. Мой сосед — не человек по утрам, а встроенный фильтр «жизнь удалась».

Если бы Дорис увидела это сейчас, она уже освобождала бы пространство под витрину и писала табличку: «Ангел. Один экземпляр. Руки прочь».

Кас поворачивает голову, взгляд встречается с моим, и организм включает режим улитки: я снова мгновенно втягиваюсь под одеяло.

Разумеется, поздно.

— Доброе утро, Рори, — говорит сосед.

— С чего ты решил, что оно доброе? — бормочу в подушку. — Ты мое лицо видел?

Одеяло глушит звук, но, судя по паузе, до него все дошло.

— Вижу, — таким же спокойным тоном отвечает ангел.

— Сейчас лучше, чем ночью.

Мысль делает кульбит.

Ночью?

Выползаю до уровня глаз, держась за край одеяла, как за щит.

— Ты... наблюдал, как я сплю?

— Я следил за тем, как просыпается дом, — мягко по-

правляет сосед. — Ты в нем самая шумная.

Хмыкаю.

— Который час?

— Восемь ноль две, — молниеносно произносит Кас.

— Говоришь так, будто проверял, — иронизирую.

— Для этого не нужны часы. Время можно определить по солнцу, звукам и...

— Ладно, ладно... — перебиваю я.

У кого-то есть будильник, а него — встроенный солнечный навигатор.

Мир несправедлив.

Сажусь, натянув одеяло до подбородка, и чувствую себя мятой салфеткой напротив красивой глянцевой открытки.

— Ты давно там дежуришь?

— С тех пор, как начался рассвет, — не отрываясь от стекла, тихо отвечает ангел.

Ставлю ступни на пол и в ту же секунду мизинцем бьюсь об уголок чемодана, в котором спрятана половина моего стыда.

Из меня вылетает звук, похожий на крик чайника в последний момент перед взрывом.

Кас лишь опускает взгляд.

— Больно?

— Нет, я просветлилась, — шиплю, подпрыгивая на одной ноге. — У нас утренний ритуал: стукнись обо что-нибудь и убедись, что еще живешь.

— Похоже на то, как люди проверяют свои границы.

Осталось выдать ему печать и записывать всех желающих на терапию.

Прихрамывая, я двигаюсь к ванной. На полпути меня прошибает озарение: на мне старая растянутая футболка, волосы представляют из себя артхаус, а за спиной сидит существо уровня «реклама одеколона».

Образ уверенной женщины: провал.

Образ человека в ночной упаковке: успешно.

Останавливаюсь у двери и, не оборачиваясь, объявляю в сторону комнаты:

— На всякий случай повторю. Даже если тебе покажется, что я в ванной умираю, не врывайся. Я дам знать отдельно. Громко. Очень громко.

— Я помню, ты говорила об этом вчера.

Из всего, что я несла, лучше всего у ангела отложилась инструкция по ванной.

Жизнь, мечты, страхи — в следующей серии.

Запираюсь, прислонившись к двери спиной, и закрываю глаза.

Так, боец, сейчас нужно превратиться из человека, которого прогнали через ночной миксер, в существо, хотя бы видевшее расческу. Потом выйти и не умереть от стыда.

В идеале.

Горячая вода смывает липкий остаток сна и часть паники. Мысль «у меня дома живет ангел» не растворяется, но хотя бы перестает орать.

Собираю волосы в пучок, затягиваю резинку до состояния «прилично», натягиваю джинсы, футболку и провожу кисточкой по лицу — не ради красоты, а чтобы в зеркале снова появился человек, а не скомканный носок.

Делаю вдох, выдох и поворачиваю ручку.

Студия чуть остыла, но свет все такой же мягкий. Эркер пуст, а у плиты, в кухонном уголке, стоит Кас. Он рассматривает панель конфорок, будто встретил загадочный артефакт древней цивилизации.

— Пожалуйста, скажи, что сейчас не тот момент, когда ты решил учиться готовить, — останавливаюсь у стола.

Он оборачивается.

— Нет, пока только разбираюсь, как она включается.

— Это уже тревожно, — опираюсь ладонью о спинку стула. — У нее скромная судьба: либо греет, либо горит.

— Для предмета с одной функцией здесь слишком много кнопок, — замечает сосед, снова глядя на панель. — Очень

по-человечески.

Добро пожаловать в мир, где даже тостер ведет себя как многофункциональный центр принятия решений.

Ставлю чайник и насыпаю в кружку кофе. Его внимание ощущается где-то рядом, как еще один источник тепла: не давит, просто фиксирует каждое движение.

— Если будешь так изучать мои руки, — бурчу, размешивая, — я точно промахнусь мимо кружки и устрою на полу современное искусство.

— Ты напряжена.

— Ничего себе аналитика, — вздыхаю. — Вторая ночь под одной крышей с ангелом. Нормальный человек на моем месте уже бегал бы по стенам. Я пока ограничиваюсь сарказмом.

Кас отходит от плиты и опирается бедром о стол, как будто делал так всегда.

— Если от того, что я здесь, тебе становится хуже, мне нужно об этом знать.

Его заявление звучит очень аккуратно, и, признаться, мне сразу становится легче.

— Хуже не стало. Стало... плотнее. Было: я, стены, мысли. Стало: я, стены, мысли и ангел в эркере. Мозгу требуется время на обновление прошивки.

Он едва заметно кивает, будто ставит галочку.

— С временем у меня проблем нет. Могу подождать.

Ну да. Когда тебе за сотню, пара недель туда, пара сюда

— не самое страшное.

Откусываю тост и украдкой рассматриваю Каса уже не как чью-то шутку, а как часть интерьера.

— Я все еще не до конца смирилась, что ты не ешь. Это выглядит дискриминацией.

— Для меня еда не связана ни с выживанием, ни с удовольствием, поэтому потребности в ней нет.

— Конструкторы явно не доработали, — качаю головой.
— Ты не представляешь, сколько человеческого идиотизма держится на еде и кофе.

В глазах блондина мелькает тихое согласие.

— Вчера подруга Дорис после третьей кружки кофе рассказывала стойке, как пережила развод, что бы это ни значило.

Смеюсь вслух, даже не пытаюсь сдержаться.

— Только, пожалуйста, не позволяй никому из них официально выходить за стойку замуж.

— А что значит — замуж? И что такое развод?

— Ну... это... — мнусь, — когда люди сначала теряют голову и решают быть вместе на веки вечные, а потом... берут свои слова назад.

— Зачем?

— Потому что... они представляли друг друга иначе. Она его — сильным, смелым, страстным, а он... — вздыхаю. *Даже не так. ВЗДЫХАЮ.* — Давай я потом расскажу тебе об этих тонких моментах человеческих взаимоотношений.

А пока... мне нужно в колледж.

Чайник на плите начинает громко подпрыгивать.

Я поднимаю его, чтобы налить воду в кружку, как вдруг сосед касается его корпуса и даже не вздрагивает.

— Ты не чувствуешь, что он горячий? — вскрикиваю. — Так же без кожи остаться можно!

Смотрю на его ладони и удивленно хлопаю глазами — они идеальны, как и сам Кас.

— Я все чувствую, но как знак «будь аккуратен», а не сигнал боли.

— Один организм ест, спит, орет, когда ударяется. Другой — по желанию. Все еще не понимаю, почему для практики тебе досталась именно я?

Ангел отодвигает чайник, будто выключает тревожную демонстрацию.

— Ты честно говоришь, когда тебе страшно или некомфортно. Для меня это полезно.

С ума сойти! Я учебный экспонат!

Наверху кто-то издевается надо мной!

Допиваю кофе и ставлю кружку в раковину.

Кас без лишних комментариев поворачивается к мойке, включает воду и берет губку.

Похоже, наш договор «я готовлю — ты моешь» живет и здравствует, даже без наклеек на холодильнике.

— У тебя сегодня какие планы? — уточняю, проверяя, все ли запихнула в рюкзак. — «Переплет» или летишь ко-

го-нибудь спасти?

— Я буду внизу, — отвечает он, не отвлекаясь от кружки.
— Сегодня обещали поставку новых книг. Дорис написала, что людей будет много.

— Только, пожалуйста, не устраивай сеансы просветления между полок, — поднимаю палец. — Люди в книжных и так приходят туда с размягченными мозгами.

— Не планирую. Просто хочу послушать, что они говорят друг другу и себе.

— Тогда слушай тихо. Если увидишь кого-нибудь с книгой «Как стать идеальной версией себя за семь дней», можешь устроить маленький сквозняк. Но это на твое усмотрение.

Он едва заметно улыбается.

— Подберу подходящее дуновение.

Закидываю рюкзак на плечо, и подхожу к двери.

— На случай ЧП, — оборачиваюсь. — Если вдруг... моя мама или подруга захочет приехать без разрешения... ты мой одноклассник, с которым мы вместе снимаем студию. Спокойный, вежливый и без криминального прошлого. Запомни.

— Понял, — кивает он.

— И еще. По идее, ты у нас по части удачи и всего такого. Так что давай, по служебным обязанностям, пожелай мне не облажаться.

— Я помогаю, когда меня об этом просят. Сейчас это

просьба?

Внутри что-то екает от прямоты.

Конечно, это просьба. Но зачем ты так ясно это формулируешь, совесть с крыльями?

— Да. Просьба. Сделай так, чтобы сегодня ничего окончательно не рухнуло.

Он будто прислушивается к чему-то невидимому, а потом просто говорит:

— Хорошо, я постараюсь.

Почему-то этого достаточно, чтобы в груди стало чуть просторнее.

Глава 8

Аврора

Колледж втягивает меня постепенно. Я чувствую запах мокрых курток и акварели, слышу гул, разговоры про конкурсы, выставки и «кто куда подается».

На «Основах композиции» Норвус снова раскладывает свой любимый тезис: «Неправильных пятен не существует, есть неосознанные решения». Мел чертит квадраты, круги, пятна, линии, а он ходит вдоль доски, как дирижер.

Рука сама тянется к полям блокнота. Вместо правильного куба появляется мягкая линия профиля, светлые волосы, тень от ресниц и шея, уходящая к ключице.

Молодец, мозг. Натюрморт подождет, главное — зафиксировать домашний экспонат.

Сосед по парте, вечный борец с системой и собственным будильником по имени Мик, заглядывает в мой блокнот.

— Ого, — усмехается он. — Новый преподаватель? Или тайный объект обожания?

— Новый сосед, — вылетает без фильтра.

Парень усмехается.

— Повезло. Мой ночью варит носки в чайнике. Это максимум нашего сближения.

В голове вспыхивает картинка: чайник, рука Каса и никакого ожога.

*На общем фоне мой сосед действительно тянет на выиг-
рышный лот.*

— Мисс Смит, — голос Норвуса перехватывает меня на половине мысли. — Как вы оцениваете вот этот баланс?

На доске — переплетение цветных пятен: тяжелое тянет влево, яркое выравнивает справа, темная полоса держит низ, как якорь.

Вместо абстракции перед внутренним взором появляется план студии: кровать у одной стены, диван у другой, окно с эркером посередине, а на подоконнике — фигура, вокруг которой пространство чуть перетянулось, но комната при этом не развалилась.

— Ощущение, что все стоит на грани и в любой момент может поехать набок. Но почему-то держится. Как будто у самой композиции хватает упрямства не падать.

Норвус приподнимает бровь чуть выше обычного.

— Очень точное наблюдение. И для композиции, и для жизни.

Спасибо, профессор. У меня дома сидит в эркере живая иллюстрация этого тезиса.

Остаток занятия проходит в режиме «автопилот»: ребята обсуждают новые конкурсы, девчонки делятся ссылками на чужие портфолио, а Мик спрашивает, у кого можно срочно списать.

Я киваю в нужных местах, произношу что-то про сроки и идеи, а в голове все равно висит этаж над «Переплетом».

Интересно, Кас сейчас слушает людей между стеллажами или уже ненароком спасает кого-то от раздела «быстрая самопомощь в трех шагах»?

К концу дня коридоры плавно выдавливают всех на улицу. Одногоруппники зовут в кафе или в бар, «просто посидеть где-нибудь еще час». Я отмахиваюсь, сославшись на дела, и только на свежем воздухе понимаю, чего действительно хочу.

Не нового места, толпы или фона из чужих разговоров. Хочется подняться по лестнице над «Переплетом», увидеть мольберт, Климта и окно с кленами.

А еще увидеть диван. И того, кто сейчас, скорее всего, либо на нем, либо где-то рядом.

Поправляю шарф, прижимаю лямку рюкзака к плечу и ускоряю шаг к центру.

Для остальных я просто спешу домой: «На улице прохлад-

но, день затянулся, хочется тепла и чая», но для меня возвращение обретает новый смысл.

Кассиан

Утро после ухода Авроры.

Рори очень шумная.

Не потому что хлопнула дверью так, что задрожали перепонки... Просто ее очень много: в этой крохотной студии, в воздухе и в каждом «ладно» и «я пошла».

Стоит ей спуститься, как студия делает вдох, а потом становится очень тихо.

Я остаюсь посреди комнаты и какое-то время прислушиваюсь: кровать довольно молчит — на нее сегодня никто не падает в драматическом жесте. Чемодан обиженно звенит молнией — утренний удар носком не входил в его планы. Коробка рядом с ним шуршит бумажными краями — ей темно и страшно.

Люди думают: если убрать предмет, то его не станет.

Но ничего не исчезает.

Он просто меняет место и продолжает шептать.

Я беру куртку из рюкзака и быстро набрасываю на плечи.

Вообще-то она мне не нужна, но людям спокойнее, когда кто-то рядом одет «по сезону».

Отныне мне придется гораздо чаще смотреть в зеркало.

Это тоже часть обучения, и с этим ничего не поделаешь.

Колокольчик над дверью «Переплета» звенит, как будто тренировался всю ночь. Дорис уже на месте, раскладывает новинки по столам и делает это по только ей известному закону притяжения обложек.

— Доброе утро, Кас, — улыбается она. — Сегодня день тех, кто «вообще не читает и зашел просто посмотреть».

— Это те, кто уходят с книгой и говорят, что не знают, как она к ним попала?

— Ага, — хозяйка смеется. — Учишься быстро.

Я помогаю передвинуть пару коробок и ставлю стул туда, где есть хороший обзор на зал.

«Переплет» — лучшее место для обучения: сюда редко заходят в броне. Не телесной, а внутренней. И книги выбира-

ют не случайно.

Обычно они созвучны состоянию души.

Первой заходит женщина лет пятидесяти. На ней пальто, чьи пуговицы держатся на чистом упрямстве. Она смотрит на стеллажи так, будто книги шипят на нее мелким шрифтом, и каждая хочет, чтобы посетительница поскорее ушла.

— Я могу вам помочь?

— Мне... что-нибудь легкое, — просит женщина. — Чтобы... не думать.

Приглядываюсь к ней и понимаю, что она опустошена. Не заботами, а тем, что не может довести до конца начатое.

И это ее гнетет.

Я беру с полки тонкий сборник рассказов. Вчера мальчик взял его, но отвлекся на собаку и пообещал прийти «потом».

Это знак, что книга ищет другого хозяина.

— Попробуйте эту. Здесь по одной истории в каждой главе. Можно делать перерывы и не чувствовать вины.

Конечно же, я не читал ее. Информация о ней приходит вслед за прикосновением к обложке.

Женщина не глядя берет сборник.

— Вы уверены, что...

— Думаю, да. Читать, как и пить воду, нужно осторожными глотками, — говорю я тихо. — Сперва сделайте маленький. Тогда в другой раз у вас будет больше уверенности в своих силах.

Посетительница улыбается.

— Хорошая идея. Я часто ругаю себя, что-то не додела-
ла до конца... — она смущается, а после находит смелость
спросить прямо: — Но как вы это поняли?

— Я прочитал это в ваших глазах.

— Спасибо.

Посетительница расплачивается за книгу и, прижав ее к
груди, с улыбкой выходит из магазина.

После нее приходит подросток в капюшоне по самые глаза
и в наушниках. Он будто отгородился ими от всего мира, и
без колебаний идет к полке с комиксами.

— Это новая серия, — комментирую я, быстро вникнув в
суть сюжета. — Но в конце герой лишается силы.

— Ну, так не интересно. Он же непобедимый.

— Знаешь, кто непобедимый? — беру книгу и demonstra-
тивно возвращаю на полку. — Человек, который не боит-
ся, что скажут другие, и живет не в вымышленном мире, а
здесь... среди обычных людей.

Парень спускает наушники на шею.

— Я просто музыку люблю, — бурчит он.

*А еще петь странные песни и громко играть на гитаре, а
перед сном прятать стихи под кровать.*

Я протягиваю ему биографию одного известного рок-му-
зыканта.

— Выбирай, что хочешь: читать о суперсиле или учиться
находить ее в себе?

— М-м-м, — парень несмело протягивает руку. — Почи-

таю.

Когда дверь за ним закрывается, в торговый зал выходит Дорис.

— Ты никогда не думал подрабатывать психологом? — спрашивает она.

— Я еще многого не понимаю в людях...

Хозяйка смеется и только потом, как бы между делом, спрашивает:

— Как Рори?

Ее имя всегда немного меняет воздух.

— Спит громко, а бодрствует еще громче.

— Она тебе нравится, — замечает Дорис, протирая пыль со стойки. — Только не обнадеживай ее, Кас. Мы оба знаем, что ты здесь ненадолго...

Конечно, же хозяйка в курсе... А как иначе?

— Не беспокойся. Я для нее просто фактор неудобства, — с легкой грустью тяну я.

— А она для тебя? — Дорис смотрит поверх очков.

Я и сам не знаю ответа.

С одной стороны, ангелы не могут злиться или обижаться на людей.

То ли в моей душе есть изъян, то ли это влияние Рори, но... рядом с ней я зачастую не могу сосредоточиться из-за музыки в голове.

Она исходит от самого сердца, и мне приходится прикладывать массу усилий, чтобы немного приглушить ее.

*Именно это я и имею в виду под шумом.
Но пусть это останется со мной.
Как и сказала Дорис, я здесь ненадолго.*

Глава 9

Кассиан

Внизу звенит колокольчик — кто-то зашел в «Переплет» и почти сразу вышел. По лестнице поднимаются знакомые шаги. Я не встаю, ведь знаю чьи они.

Это Рори.

— Можно? — спрашивает она, войдя в квартиру.

— Можно.

Соседка бросает рюкзак на стул, ставит кеды под стол, а куртку вешает на спинку стула.

— Как прошел день? В мире Норвуса и пятен.

— Нормально, — фыркает она, — Хотя бы не уснула прямо на лекциях. Это уже победа.

Рори говорит, размахивая руками, будто сбрасывает с се-

бя целый день. Я же смотрю и отмечаю мелочи.

Ее пальцы чуть покраснели — она крепко держала кисть.

На плече осталась зеленая краска — ее моя соседка заметит нескоро.

Часа через два. И это если доберется до зеркала, что происходит нечасто.

Голос Рори хрипит на слове «нормально» — значит, оно ей не нравится.

— Дорис сказала, ты сегодня в ударе, — добавляет она, вытаскивая что-то из шкафа. — Надо сдавать тебя в аренду, как семейного терапевта.

— Это несложно, — говорю я. — Все приходили в магазин не за книгами.

— А зачем? — соседка замирает с вешалкой.

— За чем-то более важным. Книга — только повод.

Она усмехается.

— Тебе часто придется разбираться с нашими тараканами: мирить, слушать, давать советы...

— Я готов.

Она захлопывает шкаф и прищуривается:

— А ты что-то делаешь для своей выгоды? Ты вообще умеешь хотеть чего-то не по инструкции?

Вопрос попадает туда, где у людей обычно болит, а у меня — нет.

— Сейчас да. Я хочу, чтобы тебе здесь не было хуже, чем там, где ты была.

Звучит механически, согласен. Нужно смягчать такие фразы.

— Это где? В мамином бостонском аквариуме? — улыбается Рори.

— В прошлом, — уточняю я.

Она на секунду теряет иронию, потом снова поднимает ее как щит.

— Ладно. Раз уж ты сегодня честный, рассказывай. Самое интересное, что видел?

Мне нечего скрывать, поэтому я делюсь с ней впечатлениями о прошедшем дне, будто... человек.

Рори садится на подоконник рядом со мной и слушает, изредка смеясь и закатывая глаза.

— Знаешь, — говорит она после моего рассказа, — во всех этих историях есть одно общее.

— Страх? — предполагаю я.

— Оправдания, — поправляет. — Мы обожаем объяснять, почему делаем или не делаем что-то. И себе врем лучше, чем кому-либо.

Мне легче: себе я врать не умею. Слишком много чужих голосов внутри.

— Ты сегодня тоже себе врала?

— Когда это? — соседка хлопает глазами.

— Когда сказала, что «просто устала», — внимательно смотрю на нее. — Ты устала и... довольна. Чуть-чуть.

Она откидывается, опираясь ладонями о подоконник, и

смеется.

У Рори очень приятный смех.

— Чему, по-твоему, я довольна, ангел?

Тому, что пошла туда сама, а не потому, что тебя туда отнесли.

Говорю проще:

— Тому, что ты сегодня делала выбор сама, а не по чьей-то команде.

Она замолкает, потом медленно кивает.

— Ненавижу, когда ты прав. Это раздражает.

— Я могу ошибаться иногда, — сам не понимаю почему, но я приближаюсь к Рори, будто чувствую в ней источник света. — Говори мне, если я что-то сделаю не так, ладно?

— Не вздумай, — фыркает она, разрывая тонкий момент. — Вся твоя ценность в том, что ты ходячий детектор интонаций. Не порть бренд.

Рори спрыгивает, идет к кухне и начинает копаться в холодильнике. Я же по привычке занимаю место ближе к раковине.

— Я сама, — машет она вилкой. — Ты потом помоешь. Не лишай меня иллюзии взрослой жизни.

— Хорошо. Буду дежурить на участке «пенка и губка».

— А ты когда-нибудь рисовал? — спрашивает неожиданно.

— Нет. Я... только представляю.

— И что же?

Как ты сидишь на том же подоконнике, только ночью, и свет вывески освещает твое лицо.

— Людей, — внезапно выдаю. — Иногда.

— Отлично, — усмехается соседка.

Когда она съедает омлет, я забираю тарелку, не дожидаясь ее просьбы. Вскоре на ладони плещется теплая вода, по студии разносится запах цитруса, а Рори с интересом наблюдает за мной.

— Знаешь, это дико странно — ангел, моющий посуду.

— Тебе неприятно? — уточняю я, смахнув губкой крошечный комочек омлета.

— Мне... нормально, — соседка отводит взгляд. — Ну ладно, немножко стыдно. Самую малость. Но я переживу.

— За что стыдно? — слегка поворачиваю голову в ее сторону. — Мы же договорились, а потом... я мою посуду, потому что так захотел сам.

Рори загадочно улыбается, раздумывая, сказать ли мне то, что сейчас тревожит ее, или это покажется мне преждевременным.

— Вообще-то... я думала о другом. Мне нравится, что ря-

дом есть кто-то... помогающий мне.

Большинство стыдится, что им плохо, а она — что ей хорошо.

Аврора правда удивительная девушка.

Пару секунд в комнате слышится только плеск воды, но соседка не умеет молчать дольше, поэтому подходит сзади и бросает мне через плечо.

— Ты никогда не хотел чувствовать, как человек?

Ее большие, полные жизни глаза, сейчас напротив моих. Мне приходится чуть склониться, чтобы ей было удобнее смотреть на меня.

— Я чувствую, — поправляю ее. — Просто не совсем то, что люди. Например, у тебя утром сильно болела нога.

Она краснеет.

— Да-да... — Рори забавно морщится, — чтобы ты не страдал из-за моих пальцев, я буду внимательнее вставать с кровати. Но я сейчас не об этих чувствах.

О других я мало что знаю, поэтому про себя называю их просто — «Эффект Рори». Почему-то странное притяжение и тепло в груди беспокоят меня, только когда она рядом.

Знаю, люди называют их — любовью, но это не она. Скорее нечто похожее, и при этом гораздо более глубокое, чем любое слово.

— Я здесь, чтобы учиться понимать тебя, так? — уклончиво спрашиваю я.

— Не только меня, но... допустим.

— Значит, нужно определиться, что ты имеешь в виду под этим словом.

— А ты? — тут же спрашивает Рори.

Ей неловко обсуждать такие темы.

— Давай... обсудим это чуть позже.

Опускаю глаза на перекошенный ворот футболки, за который схватилась соседка, и с улыбкой высвобождаю его из-под ее пальцев.

Она краснеет и начинает искать, чем занять себя, чтобы выйти из неловкой ситуации.

Я подаю ей идею:

— Кровать, прогулка, мольберт?

— Мольберт! Совсем забыла... мне же еще эскиз рисовать!

— Какой?

Рори роняет стул и устремляется к подоконнику, заставленному красками.

— Дерево... ствол дерева... — соседка всматривается в темное стекло, — за моим окном.

— Ладно, а я пока... — осматриваюсь, — посижу на диване.

— Валяй.

Глава 10

Кассиан

Рори забирается под одеяло, прячась от прожитого дня.

— Если засветишься, предупреди, — бормочет она в подушку. — Я же испугаюсь.

— Я уже светился. На лестнице, когда у тебя была паника.

— Тогда мне было не до спецэффектов.

Вскоре ее дыхание выравнивается, а мысли стихают до легкого гула.

Я остаюсь на диване.

Конечно, я могу встать, подойти к окну или уйти, но остаюсь.

Мне дали этот город, этих людей и ее.

Я думал, что буду учиться у всех понемногу: у мальчика

с комиксом, у женщины в очереди, у Дорис. Но в итоге меня учит та, что громко живет и шутит, лишь бы никто не заметил, как ей страшно.

Подхожу к окну.

За стеклом шелестят клены, на вывеске «Переплет» мигает одна буква. Кактус спокойно дышит, и я тоже, хотя в задании этого не было.

Мне не нужен сон, но нужны паузы, поэтому я медленно закрываю глаза.

Внизу Дорис перечитывает роман и ругает автора, потому что ей не понравился финал. В соседнем доме ссорятся — говоря об одном, а думая о другом.

Раньше я бы вмешался: пододвинул монетку, подсунул книгу, напомнил о важном. Теперь я жду, пока меня позвуют.

Рори спит, и в ее сне нет ничего, что требовало бы моего присутствия. Есть дом, которого у нее не было в Бостоне, и кто-то рядом, кого она пока держит на расстоянии.

Я же не подхожу ближе.

Пока.

В семь часов телефон Рори начинает пищать.

— Еще рано... — стонет она, не открывая глаз.

— Ты сама его завела, — напоминаю я.

— Предатель, — рычит она, протянув руку.

Я вспоминаю правило про личную территорию и останавливаюсь у края ковра.

— Доброе утро.

Из-под одеяла показывается растрепанная голова соседки.

— Чем пахнет? — щурится она.

— Едой.

— В нашем доме? — она садится. — Кто-то вломился и приготовил завтрак?

— Я.

Рори вылезает и, шаркая тапками, идет к кухне. На столе стоят тарелки с кашей, чай и лежит яблоко, порезанное тонкими ломтиками.

— Ты сварил кашу?

— Я прочитал инструкцию на упаковке: «готовить пять минут, добавить молоко и помешивать».

Рори склоняется над тарелкой и пробует.

Сперва ее лицо не выражает ничего, потом брови медленно поднимаются.

— Это... неплохо.

— Я рад.

— Слишком неплохо, — признается она. — Если ты уме-

ешь еще убираться и чинить краны...

— Ты опоздаешь, — напоминаю я.

Соседка подскакивает, хватает телефон и начинает метаться по комнате: натягивает джинсы, свитер и что-то делает с ресницами на бегу. А после пытается запихнуть в сумку ноутбук, скетчбук, пенал, ключи и кошелек.

— Вот ты где, — говорю коту, который прибился к дому этой ночью.

— Я его не брала! — огрызается Рори.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.